

АЛКОХОЛ

ДУХ, ПОЖИРАЮЩИЙ ТЕЛО

АЛЕКСАНДЕР

Алекс Ашер Алкухол. Дух, пожирающий тело (2026)

<https://litres.ru/74365419>

SelfPub; 2026

Аннотация

Евгений знакомится с Викторией — яркой, сильной женщиной, привыкшей справляться со всем сама: детьми, бизнесом, долгами и чужими ожиданиями. Но за её усталостью скрывается зависимость, постепенно отнимающая память, доверие и контроль над собственной жизнью. В зеркалах появляется тёмная фигура, в голосовых сообщениях звучит чужой голос, а звон бокалов всё чаще напоминает предупреждение. Алкухол — дух, болезнь или имя той части человека, которая всегда просит «ещё один»? Евгений пытается спасти Victорию, не замечая, как сам становится пленником её разрушения. Мистический роман о любви, созависимости, ответственности и цене первого бокала.

Содержание

ЧАСТЬ I	4
ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	35
ГЛАВА 4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Алекс Ашер
Алкухол. Дух,
пожирающий тело (2026)

*Он никогда не просит жизнь сразу.
Сначала он просит только один бокал.*

ЧАСТЬ I
ОДИН БОКАЛ
#

ГЛАВА 1
ЯБЛОНИ

#

В тот год весна запаздывала.

Под северной стеной сарая ещё лежал снег — серый, кру-
питчатый, с прошлогодними листьями внутри. Возле колод-
ца земля уже проваливалась под сапог, и приходилось выби-

рать, куда наступить, чтобы не зачерпнуть грязь через край. Оттаявшая трава пахла сыростью и дымом: кто-то за соседним участком жёг ветки.

Я приехал рано. В посёлке ещё почти не было слышно людей — только собаки переговаривались через заборы да время от времени заводилась бензопила.

Первым делом я пошёл к яблоням.

Сетку сорвало с двух молодых стволов. Она лежала у корней, скомканная и мокрая, а на коре белели свежие полосы. Зайцы добрались до самых тонких деревьев, посаженных прошлой весной. Одно обглодали с северной стороны, второе — почти по кругу.

Я снял перчатку и провёл пальцем по краю раны. Под ногтем осталась влажная древесная труха.

— Этим конец.

Сосед стоял за сетчатым забором в телогрейке, надетой поверх полосатой пижамной рубашки. Из кармана торчал секатор. В одной руке он держал эмалированную кружку, из которой шёл пар.

— Доброе утро, Николай Петрович.

— Какое оно доброе. — Он кивнул на яблони. — Кольцом сняли. Не жильцы.

— Посмотрим.

— Чего смотреть? Выкорчёвывай сейчас. К лету всё равно высохнут.

Я достал нож, зачистил рваные края коры и открыл банку

садового вара.

Николай Петрович сделал глоток и поморщился — то ли чай был горячим, то ли я его раздражал.

— Только время потеряешь.

— Времени у меня сегодня много.

— Вот это и опасно.

Он постоял ещё немного, затем пошёл к своему дому. На полпути обернулся:

— Если новые саженцы понадобятся, у меня племянник в питомнике работает.

— Запомню.

— Ты каждый год так говоришь.

Я ничего не ответил.

Садовый вар на холоде загустел. Приходилось разминать его пальцами, прежде чем наносить на повреждённые места. Я работал не спеша: очищал кору, замазывал трещины, стягивал стволы лентой. На первой яблоне повязка легла ровно. На второй пришлось переделать дважды.

Когда перед тобой повреждение с понятными краями, всё кажется не таким сложным. Вот живая ткань, вот мёртвая. Эту нужно удалить, ту — сохранить. Есть нож, лекарство и последовательность действий.

К одиннадцати солнце поднялось над крышей. Земля начала парить. С веток капала вода, хотя дождя не было.

Телефон завибрировал на подоконнике веранды.

«Жень, заявки встали. Посмотришь?»

Денис из Москвы прислал скриншот рекламного кабинета. Я вытер пальцы о старую тряпку, открыл ноутбук и зашёл в кампанию. Кто-то накануне изменил регион показа, и теперь московская реклама крутилась в Тверской области. Исправить это заняло меньше десяти минут.

«Пошли заявки», — написал Денис.

Следом пришло:

«Спаситель».

Я закрыл ноутбук.

На веранде снова стало тихо. В жестяной крыше изредка щёлкал нагретый металл. С края стола на меня смотрела кружка с недопитым утренним кофе. Он давно остыл, но я всё равно сделал глоток.

Работа заполняла день без остатка, если ей позволить. В ней всегда находилось что-нибудь срочное: чужая ошибка, просроченный платёж, неработающая форма, человек, который не понял другого человека. К вечеру можно было устать так, будто прожил не зря.

По выходным эта уловка работала хуже.

Я открыл телефон.

Приложение для знакомств пряталось на последнем экране, между навигатором и счётчиком калорий. Я установил его после развода, несколько раз удалял, потом возвращал. Оно давно стало чем-то вроде старого ключа в ящике: непонятно, от какой двери, но выбросить жалко.

В моей анкете стояла фотография трёхлетней давности.

Её сделала Марина в Кисловодске, за несколько месяцев до того, как мы разъехались. На исходном снимке её рука лежала у меня на плече. Я обрезал кадр, но возле воротника остался край белого ногтя.

Каждый раз, заходя в приложение, я замечал его и думал, что нужно выбрать другую фотографию.

И каждый раз оставлял как есть.

На экране сменилось несколько лиц. Море, рестораны, спортзалы, чужие машины, букеты, снятые сверху. Женщины улыбались одинаково уверенно, как люди, которые уже знают, что о себе следует показать.

Потом появилась Виктория.

На первой фотографии она стояла у воды в свободной белой рубашке и придерживала волосы рукой. На второй смеялась за столом. Перед ней был бокал красного вина, а в нижнем углу кадра виднелась детская ладонь, испачканная синим фломастером.

На третьем снимке Виктория сидела за рулём. Без улыбки. Солнечный свет падал сбоку и подчёркивал тонкую складку между бровей. Фотография явно была случайной — такие обычно не выбирают для анкет. Наверное, поэтому я задержался именно на ней.

«Виктория, 36. Предприниматель. Двое детей. Люблю дороги, честность и людей, с которыми можно молчать».

Я написал:

«Людей, с которыми можно молчать, обычно находят случайно».

Ответ пришёл через минуту.

«То есть здесь шансов нет?»

«Пока проверяю».

«И как успехи?»

Я посмотрел на две забинтованные яблони.

«С зайцами получается лучше».

Она прислала смеющийся смайлик.

«Евгений, я правильно поняла?»

«Правильно».

«А я Виктория. Теперь официально познакомились».

Мы переписывались почти два часа.

Сначала говорили о работе. У неё были студия красоты и детский игровой центр. Студия отнимала время, центр — деньги. Пока она рассказывала, на экране несколько раз появлялось «печатает...», потом исчезало. Наконец пришло голосовое.

— Извини, у меня сотрудница решила уволиться прямо во время смены. Я пять минут.

На заднем плане кто-то спросил:

— Мам, где пластыри?

Голос Виктории отдалился:

— Света, в ванной. Верхний ящик, за полотенцами.

Запись оборвалась.

Через двенадцать минут она вернулась.

«Всё. Сотрудница пока остаётся. Ребёнок заклеен».

«Успешный день».

«Ещё не вечер».

Она спросила, чем занимаюсь я. Я написал про маркетинг, сайты и командировки. Про дачу рассказал больше, чем собирался: как посадил первые яблони после развода, как зимой ставил сетки, как зайцы всё равно находили щели.

«Зачем тебе столько деревьев?»

Я посмотрел на сад. Большинство яблонь были ещё молодыми. Между ними оставалось слишком много пустого места.

«Хочу однажды увидеть, как всё это выросло».

Виктория долго не отвечала.

Потом спросила:

«Дети есть?»

«Нет».

«Хочешь?»

Я набрал «да», перечитал и стёр.

Снова написал:

«Наверное».

Три точки появились сразу.

«Неуверенно».

«Раньше отвечал быстрее».

«Что изменилось?»

Я положил телефон на стол. За забором Николай Петрович ругался на собаку. Откуда-то из посёлка пахнуло жареным луком. Солнце уже ушло за сарай, и на веранде стало прохладно.

«Понял, что ребёнок — не способ исправить жизнь», — написал я.

Виктория прочитала сообщение, но не ответила.

Я решил, что разговор закончился. Встал, убрал инструменты, вынес ведро с обрезками. Когда вернулся, на экране светилось новое сообщение:

«Это хороший ответ».

Следом пришло ещё одно:

«Я спросила не потому, что ищу детям нового отца. У них есть родной. Иногда даже появляется».

«Тогда зачем?»

«Не хочу тратить вечер на мужчину, который при слове „дети“ вспоминает о срочной встрече».

«У меня встреча только послезавтра. В Минске».

«Далеко бежать собрался».

«Билет купил раньше, чем познакомился с тобой».

«Убедительно».

Мы договорились увидеться на следующий вечер. Виктории нужно было забрать Светлану у матери и заехать в аптеку, поэтому раньше половины девятого она не успевала.

«Не поздно?» — спросила она.

«Я давно ложусь после полуночи».

«Почему?»

Я посмотрел на потемневшие окна дачного дома.

«Не люблю момент, когда день уже закончился, а следующий ещё не начался».

На этот раз она не ответила сразу.

«Понимаю», — написала спустя несколько минут.

К вечеру похолодало. Я закрыл сарай, убрал ноутбук в сумку и ещё раз обошёл участок. Под повязкой на одной из яблонь выступила густая жёлтая капля. Я осторожно промокнул её тряпкой и подтянул ленту.

У уличного умывальника вода была ледяной. Вар отмылся плохо; на пальцах оставался смоляной запах.

Я выключил электричество, проверил окна и запер дверь. Уже спускаясь с крыльца, услышал звон стекла.

Не грохот упавшей банки и не стук посуды. Звук был тонким и чистым — так отзывается бокал, если случайно задеть его краем другого.

Я постоял, прислушиваясь.

В доме было тихо.

Пришлось вернуться. Я отпер дверь, прошёл через тёмную комнату и включил свет на кухне.

На верхней полке стояли два винных бокала. Когда-то они были частью свадебного набора. После развода я отвёз остат-

ки сервиса на дачу вместе с книгами, старым чайником и коробкой ёлочных игрушек.

Один бокал был чуть выдвинут вперёд и касался другого. Я раздвинул их.

Стекло звякнуло точно так же.

— Вот и всё, — сказал я вслух.

Собственный голос в пустом доме прозвучал глупо.

Я снова погасил свет и вышел. На этот раз ключ повернул дважды.

Уже отъезжая, я заметил в зеркале человека между яблонями.

Тёмный силуэт стоял возле дерева, которое я утром перевязал. Руки опущены, голова чуть наклонена. Лица из машины было не разглядеть.

Я ударил по тормозам.

Обернулся.

Между деревьями висел кусок чёрного укрывного материала. Ветер сорвал его с бочки и зацепил за деревянную опору.

Я вышел из машины, снял ткань и скомкал её. Она была мокрой и тяжёлой. От земли тянуло холодом.

Когда я открыл багажник, телефон дрогнул в кармане.

Виктория написала:

«Не передумал?»

Я посмотрел на дом. В окнах отражался закат, и из-за этого нельзя было увидеть, что происходит внутри.

«Нет», — ответил я.

Положил чёрную ткань в багажник и сел за руль.

В зеркале человек снова стоял между яблонями.

Я резко повернулся. Локоть ударился о дверцу.

Сад был пуст.

Белые повязки на стволах светились в сумерках, и больше там ничего не было.

Телефон снова завибрировал.

«Тогда до завтра, Евгений».

Я завёл машину и выехал за ворота.

ГЛАВА 2

ЖЕНЩИНА В БЕЛОЙ РУБАШКЕ

#

Я приехал на десять минут раньше и припарковался через дорогу от её дома.

Поливальная машина только что прошла по улице. Асфальт блестел, от тротуара поднимался запах мокрой пыли. На липах уже раскрылись первые листья, но вечерами ещё холодало, и люди торопились домой, придерживая воротники.

Дом у Виктории был старым, четырёхэтажным, с тёмной аркой во двор. Над подъездом горела жёлтая лампа. На скамейке сидели две женщины с маленькой собакой между ними. Собака дрожала, хотя была одета в клетчатую куртку.

В половине девятого телефон засветился.

«Я внизу».

У подъезда стояла светловолосая женщина и разговаривала с двумя подростками. Одному она показывала что-то на экране, второй держал самокат с отвалившейся ручкой. Я узнал Викторину не сразу. На фотографиях она казалась выше.

Она убрала телефон и посмотрела через дорогу.

Я вышел из машины.

— Евгений?

— Да.

— А я уже решила, что ты передумал и прислал вместо себя водителя.

— Водитель выглядит лучше?

— Пока не поняла.

Подростки попрощались и ушли во двор.

Под короткой светлой курткой на Виктории была белая рубашка с закатанными рукавами — такая же, как на фотографии у моря, или очень похожая. Волосы она собрала на затылке. Несколько прядей выбились и прилипли к щеке.

— Можно Вика, — сказала она. — Викторией меня называют в банке и дети, когда хотят показать, что обиделись.

— Тогда Женя.

Она кивнула, будто мы только что упростили не имена, а предстоящий разговор.

— Нам сначала в аптеку. Я предупреждала.

— Помню.

— Свету забрала, мама поднялась к детям. Пообещала посидеть ещё часа два. Если не передумает.

Мы сели в машину. Вика пристегнулась, положила сумку на колени и сразу достала телефон.

— Одну минуту.

Она прослушала голосовое, быстро набрала ответ.

— Таня, не закрывайте зал. Оставьте одну кассу и позвоните мастеру ещё раз. Нет, детям на лабиринт нельзя, пока крепление не посмотрят. Даже с родителями нельзя. Особенно с родителями.

Она отправила сообщение и убрала телефон.

Через несколько секунд он снова завибрировал.

Вика посмотрела на сумку, но доставать его не стала.

— Если отвечу, мы проведём вечер в машине возле моего дома.

— Можно ехать и отвечать.

— Тогда мы проведём вечер в машине возле аптеки.

Она улыбнулась, но пальцы продолжали сжимать ремешок сумки.

Я выехал со двора.

— Это игровой центр? — спросил я.

— Да. Сегодня у нас сломался лабиринт, заболел администратор и одна мама решила, что её ребёнка укусил другой ребёнок.

— А его укусили?

— Следов нет. Но она требует запись с камер и письменное заключение.

— Кто кого не кусал?

— Именно.

В аптеке пахло мятными леденцами и чем-то лекарственным, знакомым с детства. Вика взяла корзину и быстро прошла между стеллажами. Положила детский сироп от кашля,

пластыри с динозаврами, упаковку жаропонижающего и маленький флакон успокоительных капель.

Я посмотрел на флакон.

— Детям?

— Бизнесу.

Она добавила в корзину бутылку минеральной воды.

У кассы Вика снова проверила телефон. Пока фармацевт пробивала покупки, её лицо изменилось: губы сжались, между бровями появилась складка. Она набрала короткое сообщение и сразу стёрла.

— Что-то случилось?

— Обычный рабочий день решил не заканчиваться.

На улице она открыла минеральную воду и сделала несколько глотков прямо из бутылки.

— Извини, — сказала Вика. — Я сегодня почти не ела.

— Давай зайдём куда-нибудь.

— Если сяду есть, усну над тарелкой. Лучше кофе.

Мы взяли по стакану в маленьком киоске возле набережной. Я заказал американо, Вика — большой капучино с дополнительной порцией кофе. Девушка за стойкой уточнила:

— Без сиропа?

— Без всего, что делает жизнь слаще, — ответила Вика.

Продавщица не поняла, шутит она или нет, и на всякий случай улыбнулась.

Мы спустились к воде. У парапета было свободно. Река казалась чёрной, только возле опор моста дрожали длинные

отражения фонарей.

Неподалёку мужчина запускал с девочкой бумажный самолёт. Девочка поднималась по склону, разбегалась и бросала его изо всех сил. Самолёт каждый раз клевал носом и падал в траву. Она подбирала его и снова шла наверх.

Вика некоторое время наблюдала за ними.

— Ты всегда знакомишься с женщинами перед командировкой? — спросила она.

— Первый раз.

— Удобная схема. Если что-то не понравится, завтра уже другая страна.

— Минск не настолько другая страна.

— Для плохого свидания достаточно.

Она отпила кофе и поморщилась.

— Горячий?

— Нет. Просто крепкий.

Мы помолчали.

На противоположном берегу медленно прошёл автобус. В освещённых окнах были видны люди, но отсюда они казались неподвижными.

— Давно развёлся? — спросила Вика.

— Четыре года назад.

— И всё это время один?

— Не всё.

— Понятно.

— Что именно?

— Что отвечать на простые вопросы ты не любишь.

Я поставил стакан на парапет.

— После развода у меня были отношения. Несколько. Ни одни не продержались долго.

— Почему?

— Наверное, выбирал женщин, с которыми ничего не могло получиться.

— Удобно.

Она произнесла это без упрёка. Так врач говорит пациенту, что тот снова не принял лекарство.

— Возможно.

— А развёлся почему?

На этот вопрос у меня было несколько ответов. Обычно я выбирал тот, который звучал приличнее: мы отдалились, перестали понимать друг друга, стали чужими. Всё это было правдой, но не причиной.

— Я изменял жене.

Вика посмотрела на меня поверх стакана.

— Один раз?

— Нет.

— Она узнала?

— Думаю, знала давно.

— А ты признался?

— Не сразу.

Девочка снова запустила самолёт. На этот раз он пролетел дальше, перевернулся в воздухе и упал у самых ступеней.

— Жену звали Марина, — продолжил я. — Мы прожили восемь лет. Сначала всё было нормально. Потом начали планировать ребёнка.

Я замолчал. Вика не торопила.

— На холодильнике висел календарь, — сказал я. — С отмеченными днями, анализами, приёмами врачей. Мы знали, когда нужно спать вместе, когда нельзя, когда ждать результата. В какой-то момент близость стала задачей. Потом и задача исчезла.

— Детей не получилось?

— Нет.

— Поэтому ты изменял?

— Нет. Я изменял, потому что хотел. Остальное придумал позже, чтобы самому было не так противно.

Вика опустила взгляд на кофе.

— Неожиданно.

— Что именно?

— Обычно на первом свидании мужчина объясняет, что бывшая жена его не понимала.

— Марина понимала слишком многое.

— Почему тогда не ушёл раньше?

— Было удобно. И страшно.

— Что страшно?

— Признать, что восемь лет закончились не из-за обстоятельств. Просто я оказался не тем человеком, которым обещал быть.

Вика провела пальцем по бумажному шву стакана.

— Ты всегда настолько честный?

— Нет.

— Сегодня особый случай?

— Ты спросила.

— Можно было соврать.

— Можно.

Она усмехнулась.

— И что было потом?

— Марина однажды спросила прямо. Я рассказал не всё, но достаточно. Через месяц снял квартиру.

— Она пыталась тебя остановить?

— Нет.

— А ты хотел?

Я вспомнил Марину в прихожей. Она держала коробку с моими книгами и спрашивала, заберу ли я зимние ботинки. Ни слёз, ни крика. Только усталость человека, который слишком долго ждал очевидного.

— Наверное, ждал, что попытается.

— Чтобы остаться?

— Чтобы не чувствовать себя единственным виноватым.

Вика подняла голову.

— И перестал?

— Что?

— Врать.

— Поздно.

Она резко обернулась к дороге.

Кофе плеснул на крышку и попал ей на пальцы.

— Ты слышал?

— Что?

Вика смотрела не на меня, а куда-то мне за плечо.

— Кто-то сказал.

Я оглянулся. За нами никого не было. По дорожке проехал велосипедист, дальше женщина катила коляску.

— Я сказал «поздно».

— Ты сказал первым.

— Первым?

— Потом ещё раз.

Мы прислушались.

Внизу плеснула вода. На мосту проехал грузовик. За спиной у нас было пусто.

— Может, у велосипедиста музыка играла.

— Может быть.

Вика вытерла пальцы салфеткой. Руки у неё дрожали, едва заметно, только край бумаги постукивал по стакану.

— Обожглась?

— Нет.

Она проверила телефон, открыла список уведомлений и тут же заблокировала экран.

— Продолжай.

— Я закончил.

— Тогда моя очередь.

Она отошла от парапета и села на низкую скамью. Я устроился рядом.

— Я вышла замуж в двадцать два, — начала Вика. — Андрей был хорошим человеком. Это повторяли все: мама, отец, подруги. Он не пил, не курил, работал, копил деньги. Приходил в назначенное время. Если говорил, что купит хлеб, покупал хлеб.

— Звучит неплохо.

— Так и было.

— Но?

Она посмотрела на меня.

— Почему обязательно должно быть «но»?

— Потому что вы развелись.

Вика поджала одну ногу под себя.

— Он всё делал правильно. У нас появилась квартира, потом Света, потом Миша. Отпуск два раза в год. Ипотеку закрыли раньше срока. По воскресеньям ездили к его родителям.

Она оторвала кусочек картона от крышки и стала сворачивать его между пальцами.

— Иногда я лежала рядом и думала: если исчезну, сколько времени ему понадобится, чтобы заметить? Не умерла, не ушла. Просто перестала быть собой.

— Ты говорила с ним?

— Говорила. Он предлагал нанять няню, съездить отдохнуть, купить новую машину. Андрей решал проблемы. Я не

умела объяснить, что проблема не помещается в таблицу.

— И ты ему изменила.

Вика кивнула.

— С другом семьи. Один раз.

— Он узнал?

— Я сама рассказала.

— Зачем?

Она долго теребила картонную полоску, потом бросила её в урну.

— Хотела, чтобы кто-то наконец сделал выбор. Я сама не могла.

— Ты была пьяна?

Вика не обиделась. Только посмотрела на реку.

— Мы выпили. Много. Я потом долго держалась за это объяснение. Очень удобно: не я, а вино. Только утром переписка осталась в моём телефоне. Я сама написала ему. Сама вызвала такси. Сама открыла дверь.

Она говорила спокойно. Эту историю она уже рассказывала — возможно, мужу, матери, самой себе.

— Андрей сначала простил. По крайней мере, сказал, что простил. Я отдала ему пароль от телефона. Потом он поставил приложение, чтобы видеть, где я нахожусь. Если задерживалась на десять минут, звонил. Проверял чеки, переписки, историю поездок.

— А ты?

— Злилась. Хотя сама дала ему причину.

— Продолжала встречаться с тем мужчиной?

— Нет.

— Андрей верил?

— Нет.

Мужчина с девочкой снова запускали самолёт. Теперь он летел ровнее. Девочка бежала за ним, не глядя под ноги.

— Через год я ушла, — сказала Вика. — Он считал, что я разрушила семью. Я считала, что он превратил дом в камеру хранения. Наверное, оба были правы.

— Дети с тобой?

— Да. Андрей забирает их, когда может.

По тому, как она произнесла последние два слова, было ясно: редко.

Телефон в сумке завибрировал.

Вика сразу ответила:

— Мам, да... Нет, всё купила. Сироп в пакете, синий флакон... Света поела? А Миша?... Пусть не сидит с планшетом до ночи. Я скоро.

Она выслушала ответ, прикрыла глаза.

— Мам, я сказала: скоро. Всё, целую.

Закончив разговор, ещё несколько секунд держала телефон возле уха.

— Мама? — спросил я.

— Она считает, что если у меня двое детей, я утратила право задерживаться вечером.

— А ты считаешь иначе?

— Я пытаюсь.

Вика убрала телефон и посмотрела на меня:

— Теперь ты знаешь, что я изменяла мужу, бросила хорошего человека и раздражаю собственную мать. Ещё не поздно уехать в Минск сегодня.

Я услышал это слово и невольно оглянулся.

Вика заметила.

— Теперь тебе показалось?

— Нет.

— Хорошо.

В её голосе снова появилась обычная быстрота, но что-то уже изменилось. Она держала стакан обеими руками, хотя кофе давно остыл.

Мы сменили тему.

Вика рассказала про игровой центр. Она хотела построить не просто помещение с батутами, а большой семейный парк: мастерские, комнаты для праздников, кафе, где родители могли бы нормально поесть, пока дети заняты. Без липких столов, резинового запаха и музыки, которая через двадцать минут начинает болеть в голове.

Когда она говорила об этом, усталость исчезала с её лица. Вика рисовала пальцем на парапете невидимый план: здесь вход, там сцена, дальше зона для малышей. Она знала, сколько понадобится квадратных метров, где поставить кухню и почему родители должны видеть детей почти из любой точки.

— Почему не открыла?

— Денег не хватило. Потом появился батутный центр, и я решила начать с него. Теперь он ест всё, что зарабатывает студия.

— Закрывать не думала?

Она посмотрела на меня так, будто я предложил отдать одного из детей.

— Каждый месяц думаю.

— И?

— Каждый месяц даю ему ещё один.

Я не стал отвечать.

— Что? — спросила она.

— Ничего.

— У тебя лицо человека, который сейчас проведёт аудит моей жизни.

— Профессиональная деформация.

— Выключи.

Я поднял руки.

— Уже.

Через несколько минут Вика сама спросила:

— А что с яблонями?

— С какими именно?

— С теми, которые зайцы съели.

— Не съели. Повредили.

— Выживут?

— Не знаю.

— Тогда зачем возишься?

Я посмотрел на её профиль. В свете фонаря кожа казалась почти прозрачной, под глазами проступили тонкие тени.

— Они пока живые.

Вика ничего не сказала.

Бумажный самолёт наконец перелетел через дорожку и упал у самой воды. Девочка вскрикнула от радости. Отец поймал её за капюшон, прежде чем она успела выбежать на мокрые камни.

— Ты каждый год сажаешь новые деревья? — спросила Вика.

— Если какие-то не пережили зиму.

— И не надоедает?

— Нет.

— Значит, ты упорный.

— Возможно.

— Или не умеешь вовремя остановиться.

Я повернулся к ней.

— Возможно и это.

Вика улыбнулась, но взгляд отвела.

К тому времени на набережной почти никого не осталось. Стало холоднее. Кофе мы допили, а стаканы выбросили ещё полчаса назад, но продолжали сидеть и говорить.

Она рассказывала о поездках с детьми, о море, о том, как однажды Миша заперся в гостиничном сейфе. Я — о даче, работе, Минске. Несколько раз разговор обрывался, и мы

просто смотрели на воду.

Тишина не мешала.

Около одиннадцати Вика первой посмотрела на часы.

— Мама уже придумала три варианта моей гибели.

— Тогда поехали.

В машине она согрела руки у вентиляционной решётки.

— Напишешь из Минска?

— Напишу.

— Только не присылай фотографии гостиничного завтрака.

— Почему?

— Я не доверяю людям, которые фотографируют яичницу.

— Замки можно?

— Замки можно. Особенно разрушенные.

Я остановился возле её подъезда.

Свет на лестничной площадке то загорался, то гас. За стеклянной дверью прошёл мужчина с мусорным пакетом и придержал её для Виктории, но она не вышла из машины.

— Спасибо, — сказала она.

— За кофе?

— За то, что не рассказывал, какая я на самом деле хорошая.

— Я пока не разобрался.

— Правильно.

Вика открыла дверь, потом снова закрыла.

— Женья.

— Да?

Она наклонилась и поцеловала меня в щёку. Быстро, почти по-дружески.

— Чтобы в Минске не знакомился с белорусками.

— Убедительный аргумент.

— Я старалась.

Она вышла.

Я смотрел, как Вика идёт к подъезду. Белая рубашка светилась под расстёгнутой курткой. У двери она достала телефон. Экран осветил её лицо.

Вика прочитала сообщение.

Плечи опустились. Она постояла несколько секунд, затем подняла голову и посмотрела на окна четвёртого этажа.

Я хотел выйти и спросить, всё ли в порядке, но она уже заметила меня. Улыбнулась, помахала рукой и скрылась в подъезде.

Домой я приехал после полуночи.

В квартире было душно. Я открыл окно, поставил чайник и только тогда увидел сообщение.

«Спасибо. Мне было спокойно».

Я перечитал его дважды.

Написал:

«Мне тоже».

Ответа не было.

Пока грелась вода, я снял рубашку, включил ноутбук и проверил почту. Пришло ещё одно сообщение от Виктории — фотография.

На подоконнике стоял бокал красного вина. За окном горели окна соседнего дома, в стекле отражалась белая штора и часть комнаты. Сама Вика почти не попала в кадр — только плечо и светлые волосы.

Между её отражением и шторой темнело ещё что-то.

Я увеличил снимок.

Пятно имело неровные края. Верхняя часть напоминала голову, ниже угадывалось плечо. Человек мог стоять в комнате за её спиной, почти вплотную.

Я уменьшил фотографию, потом увеличил снова.

Лампа. Складка шторы. Отражение дверного проёма.

Что угодно.

«Ты не одна?» — написал я.

Виктория прочитала сразу.

«Одна».

Через несколько секунд добавила:

«Дети у мамы до утра».

А потом:

«Только один бокал».

Я посмотрел на последнюю фразу.

«Я ничего не спрашивал».

Три точки появлялись и исчезали.

Вместо текста пришло голосовое сообщение длиной девять секунд.

Я включил его.

Сначала Вика засмеялась.

— Не смотри так, даже через телефон. Я правда только...

Послышался звон стекла — чистый, короткий, тот же звук, который я слышал вечером на даче.

Вика замолчала.

Кто-то очень близко к микрофону произнёс:

— Поздно.

Запись оборвалась.

Я прибавил громкость и включил снова.

Смех. Голос Виктории. Звон бокала.

«Поздно».

Я позвонил ей.

Гудки шли долго. Никто не ответил.

Написал:

«Кто у тебя?»

Сообщение осталось непрочитанным.

Ещё через десять минут я позвонил снова. Потом ещё раз. Представил, как еду обратно, звоню в домофон, объясняю женщине, с которой знаком несколько часов, что услышал в её голосовом чужого мужчину.

В половине второго я всё-таки лёг, положив телефон ря-

дом с подушкой.

Утром меня разбудила вибрация.

«Доброе утро. Уснула».

Следом:

«Никого у меня не было».

И смеющийся смайлик.

Я спросил:

«А голос?»

Виктория долго печатала.

«Какой голос?»

Я включил запись ещё раз.

Она смеялась. Стекло звенело.

Потом кто-то у самого микрофона говорил:

— Поздно.

ГЛАВА 3

ТИШИНА

#

Когда машина Жени свернула за угол, я ещё стояла у подъезда.

Телефон вибрировал в руке. Мама звонила третий раз.

— Да, мам.

— Ты поднялась?

— Сейчас поднимусь.

— Уже одиннадцатый час.

— Я вижу.

— Миша опять кашляет. Сироп купила?

— Купила.

— Света не спит, ждёт тебя.

Я посмотрела на окна четвёртого этажа. В моей квартире было темно.

— Я же сказала, что сегодня они остаются у тебя.

— Света всё равно ждёт.

— Передай, что я ей напишу.

Мама помолчала. Я заранее знала следующий вопрос.

— Ты выпивала?

— Кофе.

— Я не про кофе.

— Мам, я была на свидании. Всё нормально.

— С кем?

— Завтра расскажу.

— Вика...

— Я уже в подъезде. Спокойной ночи.

Я отключилась раньше, чем она успела продолжить.

На первом этаже пахло кошачьим кормом. У чьей-то двери стоял мусорный пакет, из него торчала коробка из-под пиццы. Лифт снова не работал. На стене возле кнопки висела записка от управляющей компании: «Приносим извинения за временные неудобства». Дата была прошлогодней.

На четвёртый этаж я поднялась пешком. Пока искала ключи, услышала, как за дверью соседей работает телевизор. Мужской голос рассказывал про ипотечные ставки. Женщина что-то ответила, потом зашумела вода.

У них дома кто-то был.

Я открыла дверь.

В квартире оказалось прохладно. Перед уходом я оставила окно в спальне на проветривании и теперь сразу почувствовала запах улицы — мокрый асфальт, листья, сигаретный дым с балкона этажом ниже.

— Я дома, — сказала я.

Привычка. Когда дети были маленькими, они всегда прибегали на голос. Света раньше Миши. Она обхватывала меня

за талию и спрашивала, что я принесла. Миша обычно появлялся следом и молча проверял пакеты.

Никто не вышел.

Я поставила аптечный пакет на тумбу. Сняла куртку, но белую рубашку переодевать не стала. Она ещё пахла улицей и Жениной машиной — кофе, кожаным салоном, чем-то древесным.

Телефон снова засветился.

Света написала:

«Ты уже дома?»

«Да».

«Нормально посидели?»

Я улыбнулась.

Ей было двенадцать. Последние месяцы она задавала вопросы так, будто не была моей дочерью, а собирала материал для расследования.

«Нормально».

«Он красивый?»

«Ложись спать».

«Значит, нет».

«Света».

«Всё, сплю».

Через несколько секунд пришло:

«Миша опять взял мой зарядник».

Я написала, что разберусь утром, и убрала телефон.

На кухне горела маленькая лампа над плитой. Перед свиданием я оставила её включённой, чтобы не возвращаться в тёмную квартиру. Свет попадал на стол, холодильник и край раковины. Всё остальное оставалось в полумраке.

Я достала из сумки сироп и пластыри. Успокоительные капли поставила возле чайника.

Можно было принять душ и лечь спать.

Я открыла холодильник.

На дверце стояла начатая бутылка вина. Я купила её в пятницу вместе с продуктами. В тот вечер выпила два бокала, закрыла пробкой и убрала за пакет с молоком. Бутылка простояла там несколько дней. Это казалось важным.

Я могла не пить.

Просто не всегда видела причину отказываться.

Достала бутылку, потом вернула на место. Налила воды, выпила половину стакана.

В квартире щёлкнуло.

Я прислушалась.

Звук пришёл из детской. Может быть, остыла батарея или с полки упала игрушка. В доме постоянно что-нибудь трещало, скрипело, отзывалось на движение лифта, которого не было.

Я включила телевизор.

Шёл старый сериал. Женщина в синем халате стояла посреди больничного коридора и требовала позвать главного врача. Я прибавила громкость, не пытаясь понять сюжет.

Проверила рабочие чаты.

В игровом центре мастер всё-таки приехал. Прислал фотографию сломанного крепления и сообщение:

«До завтра пользоваться нельзя. Нужна новая деталь».

Администратор ответила ему тремя восклицательными знаками.

В студии клиентка жаловалась, что цвет волос получился темнее, чем на фотографии. Мастер написала мне отдельно:

«Она сама выбрала оттенок. Я пять раз спросила».

Я ответила, кому позвонить утром, кому вернуть часть денег и какую табличку повесить возле лабиринта.

Телефон замолчал.

Телевизор продолжал говорить за всех.

Я снова открыла холодильник.

Достала бутылку и поставила на стол.

Один бокал ничего не менял. Мне не нужно было садиться за руль. Дети ночевали у мамы. Рабочий день закончился, насколько он вообще мог закончиться. Утром я собиралась в студию только к десяти.

Я выбрала бокал с тонкой ножкой.

Таких было шесть. Один разбился на Новый год, второй — после развода, когда я переставляла посуду. Осталось четыре. Я почему-то продолжала ставить их на стол парами.

Вино плеснулось выше широкой части бокала. Я отлила

немного обратно в бутылку.

Потом поставила бокал на подоконник.

За окном светились окна соседнего дома. В одном мужчина ходил по комнате в майке. В другом женщина развешивала бельё. На верхнем этаже мигала гирлянда, которую так и не сняли после зимы.

Я вспомнила, что обещала Жене написать.

«Спасибо. Мне было спокойно».

Отправила и сразу пожалела о слове «спокойно». Оно звучало слишком серьёзно для первого свидания.

Можно было добавить шутку. Я не придумала какую.

Сделала фотографию бокала на фоне города.

На снимке оказались край белой шторы, моё плечо и тёмное пятно возле волос.

Я повернулась.

В комнате никого не было.

С дивана свисала куртка. На спинке кресла лежало чёрное платье, которое я утром достала из шкафа, но передумала надевать. Торшер отражался в окне вытянутой полосой.

Я снова посмотрела на фотографию.

Пятно находилось не там, где стоял торшер. Если принять верхнюю часть за голову, фигура была выше меня почти на полметра.

Я увеличила изображение.

Появились квадраты. Вместо лица — тёмная каша из пикселей.

— Хватит, — сказала я.

Телевизор ответил чужим смехом.

Я сделала глоток.

Вино оказалось тёплым. Нужно было поддержать его в холодильнике, но ждать не хотелось.

Женя написал:

«Мне тоже».

Потом:

«Красиво».

Я посмотрела на фотографию и набрала:

«Только один бокал».

Сообщение ушло раньше, чем я успела подумать, зачем оправдываюсь. Он не спрашивал, что я пью и сколько.

«Я ничего не спрашивал», — ответил Женя.

Я поставила телефон экраном вниз.

Из телевизора донёсся сигнал медицинского аппарата. Кто-то закричал: «Мы его теряем». Заиграла музыка.

Я выключила звук.

В квартире стало слышно холодильник.

Компрессор работал с коротким гулом, затем отключился. После него остались часы на кухне и редкие машины во дворе.

Я включила звук обратно.

Сериал закончился. Началась реклама средства от изжоги.

Допила вино.

Второй бокал налила меньше первого.

Я взяла телефон и открыла переписку с Женей.

Хотелось отправить голосовое, чтобы не заканчивать вечер двумя аккуратными фразами. Сказать что-нибудь лёгкое. Про его признания, Минск или фотографию яичницы, которую он теперь обязан прислать в наказание.

Нажала запись.

— Не смотри так, даже через телефон. Я правда только...

Стекло звякнуло.

Я остановилась.

Звук раздался совсем рядом, у правого уха. Не из телевизора и не с улицы.

Палец отпустил кнопку.

Сообщение отправилось.

Я сразу включила запись.

Сначала услышала собственный голос. Он звучал ниже, чем мне казалось. Потом — звон бокала.

После него кто-то сказал:

— Поздно.

Одно слово. Негромко. Мужской голос находился так близко к микрофону, что слышалось дыхание перед первой согласной.

Я посмотрела на дверь.

Замок был закрыт. Цепочку я не накинула.

В прихожей никого.

Проверила ванную, спальню и детскую. Заглянула за што-

ру, хотя там не мог спрятаться взрослый человек. Открыла шкаф в коридоре. Между пальто висела пустая вешалка, раскачиваясь после моего движения.

Я вернулась в комнату.

На сообщении уже стояла отметка: прослушано.

Удалить его теперь означало признать, что я тоже услышала голос.

Женя написал:

«Ты не одна?»

Я ответила сразу:

«Одна».

Следом:

«Дети у мамы до утра».

Он позвонил.

Экран дрожал на столе. На фотографии контакта стояла серая буква «Е» — я ещё не успела сохранить его нормально.

Я не взяла трубку.

Позвонить ему самой и рассказать про чужой голос было невозможно. Мы знали друг друга несколько часов. Он и так уже видел женщину, у которой двое детей, два убыточных бизнеса, развод и измена в прошлом. Добавлять к этому мужчину, разговаривающего из пустой комнаты, не стоило.

Телефон замолчал.

Через минуту зазвонил снова.

Я выключила звук и допила второй бокал.

Запах появился не сразу.

Сначала я решила, что тянет из открытого окна. Кто-то во дворе мог жечь листья или готовить на балконе. Но пахло не дымом.

Пахло яблоками, забытыми в духовке.

Сладкая мякоть, подгоревший сахар, кожица, почерневшая по краям.

Я закрыла окно.

Запах остался.

На кухне духовка была холодной. Все четыре конфорки выключены. Я потрогала розетки возле чайника и микроволновки. Ничего не нагрелось.

Открыла мусорное ведро.

Там лежали упаковка от салата, кофейная гуща и детская тетрадь с вырванными листами. Запаха яблок не было.

В коридоре пахло сильнее.

Я пошла за запахом в комнату.

В кресле у окна сидел мужчина.

Сначала я увидела ноги. Чёрные брюки, тёмные ботинки. Потом руку на подлокотнике. Длинные пальцы лежали свободно, один чуть согнут. На безымянном блестело широкое кольцо.

Лица я не различала. Свет из окна оставался у него за спиной.

Я остановилась в дверях.

Телевизор показывал беззвучную рекламу. Женщина

улыбалась, держа бутылку средства для мытья полов.

Мужчина не двигался.

— Кто вы?

Он ничего не ответил.

Я нащупала выключатель в коридоре, но не нажала. Если зажечь свет, происходящее станет настоящим. Эта мысль была глупой, и всё же рука осталась на стене.

— Уходите.

Мужчина поднял руку.

Не ко мне. Он указал на стол.

На столе стоял пустой бокал.

Рядом — бутылка вина.

Я оставила её на кухне.

Со двора ударил свет фар. Машина разворачивалась возле подъезда, и белая полоса прошла по потолку, стене, креслу.

Оно было пустым.

На подлокотнике лежал пояс от чёрного платья. Пряжка блестела там, где я видела кольцо. Один конец свисал почти до пола и издали мог показаться ногой.

Я включила свет.

— Господи.

Сказала это громко, потом рассмеялась.

Смех получился неприятным — слишком высоким и коротким. Я замолчала.

Подняла пояс, бросила его на диван. Чёрное платье соскользнуло со спинки кресла и упало на пол.

Вот и весь мужчина.

Платье, пояс, свет из окна и два бокала вина.

Я подошла к столу.

Бутылка действительно стояла там. Пробка лежала рядом.

Я попыталась вспомнить, когда принесла её из кухни.

Возможно, сразу. Возможно, когда проверяла сообщения.

Я делала множество вещей, не обращая на них внимания: относила чашки, закрывала окна, перекладывала телефон из руки в руку.

В бутылке оставалось меньше половины.

Я налила ещё.

Женя снова позвонил.

На этот раз я сбросила вызов и написала:

«Телефон садится. Всё хорошо».

Заряд показывал семьдесят три процента.

Я поставила телефон на зарядку и отнесла бокал в спальню.

Запах горелых яблок исчез.

Или я привыкла.

В спальне было холодно из-за открытого окна. Я закрыла его, не задёргивая шторы. В соседнем доме погасло несколько окон. Мужчина в майке исчез. Женщина закончила развешивать бельё.

Я села на край кровати.

На тумбочке стояла фотография детей. Свете там было девять, Мише — пять. Мы снимались в парке: они сидели по

обе стороны от меня, оба щурились от солнца. На фотографии я выглядела отдохнувшей. Не помнила, была ли такой на самом деле.

Света прислала новое сообщение:

«Ты точно дома?»

Я ответила:

«Точно».

«Скинь фото».

Я навела камеру на кровать и сделала снимок своих ног в светлых брюках. Бокал в кадр не попал.

«Довольна?»

«Да».

Через минуту она прислала сердечко.

Я положила телефон рядом.

Сделала ещё глоток.

Дальше вечер распался.

Я помню, как снимала рубашку. Помню воду в ванной — слишком горячую, кожа на плечах покраснела. Помню, что снова включился телевизор, хотя я его выключала.

В какой-то момент я сидела на кухонном полу и собирала осколки чашки с лисой. Она была Светиной. Или моей — Света всё равно считала её своей.

Кровь выступила на ладони тонкой линией.

Потом я искала пластырь, но аптечный пакет остался в прихожей.

Ещё помню детскую.

Дверь была открыта. Ночник в форме луны не горел, но на ковре что-то блестело. Красный камешек из Светинового набора для поделок лежал возле кровати.

Я наклонилась за ним.

Под кроватью кто-то дышал.

Я опустила на колени и заглянула.

Там стояли коробка с обувью, старый рюкзак и свернутое одеяло.

Дыхание прекратилось.

Наверное, это была я сама.

Остальное исчезло.

Утром я проснулась поперёк кровати, поверх покрывала.

На мне оставались брюки и один носок. Волосы были мокрыми у затылка. Во рту пересохло, язык прилипал к нёбу. Свет из окна бил прямо в глаза.

Телефон лежал на полу.

Я подняла его и не сразу смогла сфокусироваться на экране.

Половина седьмого.

Три пропущенных от Жени.

Одно сообщение:

«Кто был у тебя в гостях?»

Я села.

На тумбочке стояла пустая бутылка. Бокал лежал на боку, на ковре темнело пятно. Я потрогала его пальцем — влаж-

ное.

Правая ладонь саднила. Порез оказался неглубоким, но кровь засохла между пальцами и на запястье.

Я пошла в ванную, умылась холодной водой и долго смотрела на себя в зеркало.

Лицо опухло. Под левым глазом размазалась тушь. На шее виднелась красная полоса — след от цепочки или от складки подушки.

Я открыла аптечный пакет и заклеила ладонь пластырем с зелёным динозавром.

На кухне валялись осколки чашки. Большую часть я собрала ночью, несколько мелких кусочков блестели под столом.

В мусорном ведре лежала пустая бутылка вина той же марки.

Я достала её.

Посмотрела на этикетку, затем на бутылку из спальни.

Обе были пустыми.

Одну я точно открыла вечером. Вторая могла стоять в шкафу. Я иногда покупала по две, чтобы не заказывать доставку среди ночи. В последние дни я старалась этого не делать.

Я не помнила, была ли вторая бутылка полной.

Из детской донёсся тихий стук.

Что-то катилось по полу.

Красный стеклянный камешек появился в дверном про-

ёме, пересёк коридор и остановился возле моей босой ноги.

Пол в квартире действительно имел уклон. Мама много лет говорила, что шкаф в детской нужно подложить картоном, иначе дверцы открываются сами.

Я подняла камешек.

Он был тёплым.

Не комнатной температуры. Тёплым, как если бы его несколько минут держали в ладони.

Я чуть не уронила его.

В детской окно было закрыто. Батарея холодная. Под кроватью никого.

Положила камешек на письменный стол Светланы.

Возвращаясь на кухню, заметила на белой рубашке бурое пятно. Не вино. Кровь от ладони.

Телефон завибрировал.

Женя написал:

«Ты проснулась?»

Я открыла вчерашнее голосовое.

Мой смех.

Фраза: «Я правда только...»

Звон стекла.

И голос:

— Поздно.

Он никуда не исчез.

Я включила запись ещё раз, прижав динамик к уху.

Голос был мужским. Не Жениным. Не Сениным. Не голо-

сом бывшего мужа.

Третье прослушивание ничего не изменило.

Я напечатала:

«Никого. Я уснула одна».

Добавила смеющийся смайлик. Без него сообщение выглядело испуганным.

Женя ответил почти сразу:

«А голос?»

Я стояла возле раковины и смотрела на две пустые бутылки.

Из крана капала вода.

Раз.

Второй раз.

Третий.

Я открыла холодильник. На дверце стояла ещё одна бутылка, начатая примерно наполовину.

Сначала решила, что вижу отражение.

Достала её.

Та же марка. Та же этикетка. Пробка вставлена неплотно.

Вчера в холодильнике была одна начатая бутылка. Я помнила, как доставала её из-за пакета с молоком.

Может быть, одну из пустых я принесла из шкафа. Может быть, начатую поставила обратно ночью, а потом открыла другую. Последовательность не складывалась, но после вина она часто не складывалась.

Я вылила содержимое бутылки в раковину.

Запах поднялся резкий, кислый. Меня затошнило.

Пустые бутылки сложила в чёрный мусорный пакет. Добавила осколки чашки, завернув их в старое полотенце. Пакет получился тяжёлым. Я завязала его двойным узлом.

Мама позвонила в семь.

— Ты спишь?

— Уже нет.

— У Миши температура тридцать семь и три.

— Сироп у меня. Сейчас привезу.

— Голос у тебя какой-то...

— Только проснулась.

— Вика, ты вчера пила?

Я посмотрела на пакет у двери.

— Один бокал.

Мама вздохнула.

— Ты за рулём не садись.

— Я не пьяная.

— Я не это сказала.

— Вызову такси.

Мы помолчали.

— Света спрашивает, во сколько ты приедешь, — сказала мама уже спокойнее.

— Скоро.

— Хорошо.

Перед выходом я переоделась. Белую рубашку положила

в таз с холодной водой. Пятно медленно расплзлось розовым облаком.

Мусорный пакет вынесла во двор.

Контейнер был почти полный. Пришлось поднять крышку обеими руками и протолкнуть пакет глубже. Стекло внутри ударилось друг о друга.

Тот же чистый звон.

Я отпустила крышку.

Телефон снова завибрировал.

На экране оставался Женин вопрос:

«А голос?»

Я написала:

«Какой голос?»

Нажала «отправить» и вызвала такси.

Пока ждала машину, вернулась к подъезду. У окна первого этажа сидел рыжий кот и следил за мной через стекло.

Сверху хлопнула форточка.

Кто-то тихо рассмеялся.

Я подняла голову, но во всех окнах было пусто.

ГЛАВА 4

МИНСК

#

Утром голос на записи никуда не исчез.

Я проснулся раньше будильника и первым делом потянулся к телефону. В комнате было серо. За окном разгружали мусорные баки: тяжело ударялись крышки, работал двигатель, кто-то ругался во дворе.

Сообщение от Виктории пришло в половине седьмого:

«Доброе утро. Уснула».

Следом:

«Никого у меня не было».

И смеющийся смайлик.

Я снова включил голосовое.

— Не смотри так, даже через телефон. Я правда только...

Звон стекла.

— Поздно.

На малой громкости слово почти терялось. Если прибавить, становилось слышно дыхание перед первой согласной. Оно могло принадлежать Виктории. Микрофон телефона

мог исказить её голос. В соседней квартире мог работать телевизор. Кто-нибудь мог пройти под открытым окном.

Я написал:

«А голос?»

Ответа не было минут десять.

Я успел поставить чайник, достать из шкафа дорожную сумку и сложить в неё две рубашки. Третью пришлось погладить. Утюг нагревался медленно и оставлял на ткани капли воды.

Телефон завибрировал на гладильной доске.

«Какой голос?»

Я переслал ей запись.

Виктория прослушала её почти сразу.

Три точки появлялись, исчезали, снова появлялись.

«Телевизор, наверное».

«Ты уверена?»

«Жень, у меня Миша с температурой и разбитая чашка на кухне. Я сейчас не готова расследовать телевизор».

Через несколько секунд пришла фотография детской руки с пластырем в виде зелёного динозавра. Рука была не Мишина — слишком большая.

«Это моё. Чашка сопротивлялась».

Я увеличил снимок. На ладони возле большого пальца

виднелась тонкая царапина. Ничего серьёзного.

«Ты помнишь, как разбила её?»

Сообщение осталось непрочитанным.

Я выключил утюг.

Из кухни пахло перегретым металлом. Чайник давно вскипел и успел замолчать.

В семь пятнадцать Виктория ответила:

«Смахнула со стола. Наверное».

Потом:

«Езжай спокойно. Со мной всё нормально».

Такие фразы обычно означают, что разговор закончен. Я умел это понимать, но не всегда умел останавливаться.

Набрал вопрос, стёр его и написал:

«Хорошо».

Через минуту она прислала:

«Не веришь».

«Верю».

«Врёшь».

Я не ответил.

Из Воронежа выехал около восьми.

Город ещё не успел окончательно проснуться. Возле остановок стояли люди с бумажными стаканами, коммунальная машина мыла бордюры, на выезде собиралась обычная утренняя пробка. Впереди были почти девятьсот километров до Минска, две встречи в Москве и ещё одна на следующий день.

Первые полчаса я ехал без музыки.

Запись Виктории оставалась в телефоне. Я мог удалить её и перестать возвращаться к девяти секундам плохого звука. Вместо этого подключил телефон к машине и включил сообщение через динамики.

Её голос заполнил салон.

Звон бокала прозвучал чище.

Слово в конце — глуше.

Я прослушал ещё раз.

На третьем повторе показалось, что перед словом кто-то тихо смеётся. На четвёртом смеха уже не было.

Возле Рамони я остановился на заправке. Купил кофе, бутылку воды и пачку орехов. Девушка за кассой спросила, нужна ли мне скидочная карта.

— Нет.

— Можно оформить бесплатно.

— Не надо.

— Там сразу три рубля с литра.

Я согласился, заполнил номер телефона и ещё пять минут ждал сообщение с кодом. Карта не активировалась. Девуш-

ка вызвала администратора. Администратор перезагрузила терминал.

Пока они разбирались, Виктория написала:

«Миша объявил себя смертельно больным.
Температура 37,3».

«Сироп помог?»

«Сироп помог мне. Его успокоил мультик».

«Светлана тоже у мамы?»

«Да. Читает мои сообщения через плечо и говорит,
что ты слишком быстро задаёшь вопросы про детей».

«Передай, что она права».

Ответ пришёл не сразу.

«Передала».

Потом отдельным сообщением:

«Она сказала, что хотя бы один взрослый в этой
истории должен задавать вопросы».

Я улыбнулся.

Кассир протянула мне пластиковую карту.

— Теперь всё работает.

— Спасибо.

— Не теряйте. Восстановление только по номеру телефона.

Я положил карту в бумажник, где уже лежали три такие же — от других заправок.

Когда вернулся в машину, от Виктории пришло голосо-

вое.

— Не обращай внимания на Свету. Она сейчас считает всех мужчин подозрительными. Это возраст. Или наследственность.

Голос звучал обычно. Быстрый, чуть хриплый, без вчерашней тягучести.

Я ответил:

— Передай, что подозрительность полезнее доверчивости.

Она прислала:

«Не подлизывайся к ребёнку раньше времени».

Я убрал телефон и выехал на трассу.

К полудню пошёл дождь.

Сначала отдельные капли, потом вода легла на дорогу ровным серым слоем. Грузовики поднимали за собой облака грязной взвеси, дворники скрипели по стеклу. Машины двигались плотнее, несколько раз поток резко тормозил без видимой причины.

Виктория писала между делами.

В игровом центре нашли нужную деталь, но мастер обещал привезти её только вечером. В студии клиентка пришла на час раньше и была недовольна, что её не приняли сразу. Бывший муж сообщил, что не сможет забрать детей в выходные.

«У него обстоятельства», — написала Вика.

«Какие?»

«Сложные».

«Он объяснил?»

«Слово „обстоятельства“ удобно тем, что ничего объяснять не нужно».

На подъезде к Москве она неожиданно спросила:

«Ты чего-нибудь боишься?»

Я прочитал сообщение, когда стоял перед закрытым шлагбаумом на платном участке. Водитель впереди пытался расплатиться наличными, терминал не принимал купюру. Сзади уже сигналили.

«Сейчас — не успеть на встречу».

«Я серьёзно».

Шлагбаум поднялся.

Я отложил телефон.

Вопрос не был сложным. Сложным было выбрать ответ, который не окажется ни шуткой, ни заготовкой для первого свидания.

Через двадцать минут остановился на парковке возле торгового центра. До встречи оставалось сорок минут.

«Наверное, потратить жизнь не на то».

Виктория прочитала сразу.

«А как понять, что тратишь на то?»

«Не знаю».

«Удобный ответ».

«Честный».

Она поставила сердечко, потом написала:

«Я боюсь тишины».

Я вспомнил её анкету.

«Ты же ищешь человека, с которым можно молчать».

«Это другая тишина».

«Какая?»

Ответа не было несколько минут.

«Когда рядом кто-то есть, можно молчать. Когда никого нет, приходится слушать».

«Что?»

Три точки появились и исчезли.

«Себя».

Первая московская встреча проходила в новом бизнес-центре, где всё отражало всё: стеклянные двери, чёрный камень, металлические панели в лифте. В переговорной стоял длинный стол, на стене висел экран, который десять минут не удавалось подключить к ноутбуку.

Клиент хотел увеличить продажи вдвое.

При этом он не собирался менять сайт, цены, рекламные

объявления, систему обработки заявок и менеджера, который отвечал на звонки после третьего гудка, если вообще отвечал.

— Нам нужен рост без резких движений, — сказал он.

Я спросил, какие движения он считает резкими.

— Любые, которые потребуют перестройки.

Второй участник встречи всё время кивал, но в разговор не вступал. Перед ним стоял стакан воды. За два часа он ни разу к нему не притронулся.

Мы договорились начать с аудита.

Это означало, что через неделю я должен был подготовить документ, в котором вежливо напишу всё то же самое.

После встречи на телефоне было семь сообщений. Пять рабочих, одно от банка, одно от Виктории.

Фотография тарелки с кашей и подпись:

«Вот чем кормят человека после хорошего свидания».

Рядом с тарелкой лежала детская ложка с синей ручкой.

«Ты у мамы?»

«Да. Привезла лекарства. Теперь меня тоже лечат».

«От чего?»

«Мама ещё не решила».

Я хотел спросить о разбитой чашке и голосе на записи, но не стал.

Вторая встреча закончилась после девяти. В Москве про-

должал идти дождь. В свете вывесок он казался цветным, но на лобовом стекле снова становился обычной водой.

Я выехал в сторону Минска.

Навигатор показывал чуть больше семи часов без остановок.

Виктория позвонила около полуночи.

Телефон лежал на панели. Я включил громкую связь.

— Не спишь? — спросил я.

— Как видишь.

В её голосе появилась задержка. Не сильная — половина секунды между вопросом и ответом, чуть растянутые гласные.

— Ты дома?

— Дома.

— Дети?

— У мамы. Миша решил остаться, а Света не захотела бросать его одного.

— Температура?

— Нормальная.

В трубке звякнуло стекло.

Я перестроился в правый ряд.

— Выпила?

— Бокал.

— Один?

— Женья.

— Что?

— Мы знакомы два дня.

— Три.

— Тем более.

— Я просто спросил.

— Нет, ты уже считаешь.

Она говорила без злости. Скорее устало, будто мы продолжали разговор, начатый задолго до знакомства.

За окном тянулись тёмные лесополосы. Встречные машины появлялись из дождя и сразу исчезали.

— Я не считаю, — сказал я.

— Все считают. Просто кто-то вслух, кто-то про себя.

— Хорошо. Не буду.

— Уже начал.

Я убавил скорость. Дорога блестела, разметку почти не было видно.

Виктория молчала.

— Вика?

— Я здесь.

— Что делаешь?

— Хожу по квартире.

На заднем плане хлопнула дверца шкафа.

— Ищу зарядку. Света опять забрала нормальную, оставила мне ту, которая работает только под определённым углом.

— Сядь где-нибудь.

— Зачем?

— Так ты хотя бы перестанешь ходить.

— Тебе мешает?

— Нет. Просто слышно.

— Я могу выключить звук.

— Не надо.

Она засмеялась. Смех вышел коротким и сразу оборвался.

Через несколько секунд спросила:

— Женя, ты умеешь хранить чужие тайны?

— Смотря какие.

— Плохой ответ.

— Другого нет.

Я услышал, как она поставила бокал на твёрдую поверхность.

— Иногда мне кажется, что во мне живёт другая женщина.

— В каком смысле?

— В обычном.

— В обычном смысле люди внутри друг друга не живут.

— Вот поэтому с тобой трудно.

— Мы знакомы три дня.

— Ты всё время это повторяешь.

— Ты первая начала.

Виктория вздохнула.

— Есть я утром. Я встаю, собираю детей, отвечаю сотрудникам, еду в студию. Знаю, сколько денег на счетах и кому нужно заплатить. Помню про сироп, форму, родительское

собрание. Могу улыбаться клиентке, которая опоздала на сорок минут, а потом обвиняет меня.

Она замолчала.

— А другая? — спросил я.

— Другая появляется вечером.

— После вина?

— Не обязательно.

Это прозвучало слишком быстро.

— И что она делает?

— Что хочет.

— Например?

— Не знаю. Говорит то, что я не сказала бы. Пишет людям.

Куда-то едет. Иногда утром я открываю телефон и узнаю о себе новое.

Я крепче взялся за руль.

— Часто?

— Бывает.

— Ты не помнишь, что делала?

— Я всё помню.

Она снова ответила слишком быстро.

— Тогда что узнаёшь?

— Женя, не надо.

— Ты сама начала.

— Уже пожалела.

Дождь усилился. Впереди появилась заправка, я свернул к ней и остановился под навесом. Двигатель оставил вклю-

чѣнным.

— Ты её боишься? — спросил я.

— Кого?

— Другую женщину.

Виктория долго молчала.

— Иногда завидую.

— Почему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.